

Научная статья

Политические науки

УДК: 327.56

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-56-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-56-75)

Модели постконфликтного урегулирования на примере арабских стран

Игорь Александрович Матвеев^{1a}✉, Сергей Николаевич Серебров^{2b}✉, Алексей Леонидович Хлебников^{3c}✉

^{1,2} Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия,

¹ Российский совет по международным делам, Москва, Россия,

³ Российский совет по международным делам, Москва, Россия

^a iamatveev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>

^b snserebrov@ivran.ru

^c aleksei.khlebnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9177-0323>

Аннотация. В статье представлены материалы научной дискуссии, связанной с темой постконфликтного урегулирования в арабском мире, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК) совместно с Институтом востоковедения РАН. Авторы анализируют теоретические модели и конкретные кейсы урегулирования в регионах Ближнего Востока, Северной Африки, арабского мира и связанные с ними вызовы. Рассмотрен гуманитарный аспект постконфликтного политического урегулирования и экономической реконструкции, который в последние годы связан с рядом вызовов.

Ключевые слова: постконфликтное урегулирование, Ближний Восток, арабский мир, Йемен, Ливия, Сирия

Для цитирования: Матвеев И.А., Серебров С.Н., Хлебников А.Л. Модели постконфликтного урегулирования на примере арабских стран // Россия и мир: научный диалог. 2022; 3(5): 56-75, [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-56-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-56-75)

Models of post-conflict settlement on the example of Arab countries

Igor A. Matveev^{1a}✉, Sergey N. Serebrov^{2b}✉, Alexey L. Khlebnikov^{3c}✉

¹Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

Russian Council for International Affairs, Moscow, Russia

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

^aiamatveev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>

^bsnserebrov@ivran.ru

^caleksei.khlebnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9177-0323>

Abstract. The article presents the materials of a scientific discussion related to the topic of post-conflict settlement in the Arab world, organized by the National Communications Development Research Institution together with the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The authors analyze theoretical models and specific cases of settlement in the regions of the Middle East, North Africa, the Arab world and related challenges. The humanitarian aspect of post-conflict political settlement and economic reconstruction, which has been associated with a number of challenges in recent years, is considered.

Keywords: post-conflict settlement, the Middle East, the Arab world, Yemen, Libya, Syria

For citation: Matveev I.A., Serebrov S.N., Khlebnikov A.L. Models of Post-Conflict Settlement on the Example of Arab Countries. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2022; 3(5): 56-75. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-56-75](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-56-75)

Введение

Нестабильная международная обстановка на глобальном и региональном уровнях в условиях перехода к многополярному миру, когда коллективный Запад пытается всеми силами противостоять новым центрам силы, обуславливает важный императив изучения современных конфликтов – их генезиса и эволюции. Одной из задач становится поиск оптимальных путей выхода из конфликтов посредством восстановления. Логично, что полем для таких исследований являются обширный географический регион Ближнего Востока и Северной Африки и арабский мир, отличающиеся множественными кризисами и внутренними вооруженными конфликтами с растушей интернационализацией.

Таблица 1. Состояние процессов политического урегулирования конфликтов / кризисов в арабских странах
Table. 1. The state of the processes of political settlement of con-flicts/crises in Arab countries

Страна	Хронология конфликта	Характеристика конфликта/кризиса	Линии конфронтации ГРО	Степень интернационализации	Состояние мирного процесса/диалога	Перспективы урегулирования
Ирак	1990-н/в	Системный внутренний кризис после окончания гражданской войны (2017) и внешней интервенции (2011), сохранение очагов активности ИГИЛ	Курды/арабы сунниты/шииты компрадоры/исламскиерадикалы (ИГИЛ)	Высокая: ориентация местных политических сил на внешних акторов (курды – Запад, шииты – Иран, сунниты – аравийские монархии)	Наличие Курдского автономного района (КАР), распределение высших государственных постов по этноконфессиональному признаку (мухасаса тайфий); президент – курд, глава парламента – суннит, премьер-министр – шиит	Негативные: сохранение ГРО и вмешательства внешних авторов в иракские дела, рост местного курдского сепаратизма, сохранение угрозы терроризма
Йемен	2014-н/в	Внутренний вооруженный конфликт (горячая фаза) с внешней интервенцией	Сунниты/шииты компрадоры/исламские радикалы элиты севера/юга	Очень высокая: военная интервенция Саудовской Аравии и ОАЭ, поддержка хуситов Ираном	Национальный диалог и мирный переговорный процесс по существу отсутствуют (ведутся ad-hoc контакты)	Резко негативные в краткосрочной и среднесрочной перспективе, продолжение конфронтации, возможная эскалация
Ливан	2019-н/в	Системный внутренний кризис конфессиональной политической системы	Конфессионализм (тайфий): христиане/сунниты/шииты арабы/армяне/«левантийцы» местное население/беженцы (сирийцы, палестинцы)	Высокая: ориентация конфессий на внешних авторов (христиане – Запад; сунниты – аравийские монархии, Запад, шииты – Иран); влияние Сирии (сейчас снижено ввиду конфликта в самой Сирии)	Этноконфессиональная политическая система на базе Национального пакта (1943): президент – христианин-маронит, премьер – суннит, глава парламента – шиит	Негативные в краткосрочной, позитивные в среднесрочной перспективе, формирование национального консенсуса по выходу из кризиса с зарубежной помощью

Ливия	2011-н/в	Внутренний вооруженный конфликт (горячая фаза завершена в 2020)	Трайбализм регионализм (иклимий) компрадоризм/исламские радикалы	Высокая: поддержка внешними акторами сторон конфликта	Образовано Правительственное национальное единство (2021), однако национальный диалог нестабилен, сохраняется власть милиций на местах	Негативные в краткосрочной и среднесрочной перспективах; позитивные в долгосрочной перспективе: формирование национального консенсуса по выходу из кризиса с опорой на внутренние ресурсы (нефть) и зарубежную помощь
ПНА	1948-н/в (арабо-израильский конфликт) 2006-н/в (межпалестинский конфликт)	Вооруженный конфликт с внешней и внутренней конфронтацией элиты Западного берега / сектора Газа	Арабы / евреи компрадоры / исламисты	Средняя: поддержка Катаром и Ираном исламистов в секторе Газа; поддержка частью Запада властей ПНА	Сохраняется раскол ПНА, конфронтация между Движением за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) и Исламским движением сопротивления (ХАМАС)	Негативные: сохранение ГРО в условиях снижения интереса мирового сообщества к палестинской проблеме и процесса нормализации отношений ряда арабских стран с Израилем (Авраамские соглашения 2020). Угроза исламского радикализма
Сирия	2011-н/в	Внутренний вооруженный конфликт (горячая фаза локализована в 2020 году) с внешней интервенцией	Арабы / курды сунниты / религиозные меньшинства (таифий) регионализм (иклимий) сторонники светского уклада / исламисты	Очень высокая: вооруженное присутствие Ирана, Турции, России, США в Сирии; экономическая помощь Ирана властям САР	Переговорный процесс проходит с 2012 года в Женевском, астанинском форматах, в 2019 году учрежден Сирийский конституционный комитет. Общенационального диалога нет	Негативные в краткосрочной перспективе при сохранении санкций; позитивные в средне- и долгосрочной перспективе: формирование национального консенсуса по выходу из кризиса на основе децентрализации управления (ал-ля маркиз) и учета интересов местных элит, включая курдов и друзов
Сомали	1988-н/в	Внутренний вооруженный конфликт, сценарий «несостоявшегося государства» (failed state)	Регионализм: борьба местных элит, трайбализм исламский радикализм	Средняя: перманентная зависимость от внешней гуманитарной помощи	Создано Федеральное правительство Сомали (2012), но его полномочия ограничены. Общенационального диалога нет	Негативные: сохранение ГРО, административно-территориальной раздробленности и острого гуманитарного кризиса в условиях ограниченности внутренних ресурсов. Угрозы терроризма и радикализма

Настоящая статья посвящена анализу моделей постконфликтного восстановления с общим обзором стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ) и анализом конкретных страновых кейсов (Йемен, Ливия, Сирия) с точки зрения перспектив политического урегулирования и экономической реконструкции.

Материалы и методы

Страновые кейсы (Йемен, Ливия, Сирия) представлены и проанализированы исходя из перспектив политического урегулирования и экономической реконструкции. Статья подготовлена коллективом экспертов по результатам одноименной научно-практической дискуссии, которая была организована 21 июня 2022 года Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций совместно с Институтом востоковедения РАН. Авторы использовали также метод визуализации: объемный пласт материала обобщен в таблицах, что позволяет сравнить страновые кейсы на основе использования сравнительно-исторического метода. Для реализации задач исследования предложены авторские трактовки понятий «конфликта» и «кризиса».

Результаты исследования

Модели постконфликтного восстановления на примере арабских стран (Матвеев И.А.)

С учетом неоднозначности трактовки понятий «конфликт» (3) и «кризис» (1) добавлены их авторские трактовки. Для целей настоящего исследования конфликт рассматривается в качестве следствия и кульминации – самой острой фазы кризиса. Здесь не стоит забывать, что кризисы могут иметь глубокий и системный характер, регулярно генерируя конфликтные ситуации. Примером служит раздираемый межконфессиональными противоречиями Ливан, где кризис 1958 года, гражданская война 1975–1990 годов, «революция кедров» 2005 года и Вторая ливанская война 2006 года чередовались с периодами экономического подъема. Поэтому в данной статье постконфликтное восстановление подразумевает и меры по преодолению кризисов.

Таблица 1 (с. 58-59) иллюстрирует текущее состояние и перспективы политического урегулирования на примере шести государств ЛАГ (Ирак, Йемен, Ливан, Ливия, Сирия, Сомали), а также ПНА.

Напрашивается вывод о наличии в рассматриваемых случаях признаков глубоко разделенного общества (ГРО). Данный теоретический концепт, выдвинутый британским исследователем А. Гелке (5) применительно к Ближнему и Среднему Востоку развивается В.В. Наумкиным (2). Линии конфронтации ГРО подогреваются негативными социальными явлениями, такими как трайбализм (племенная вражда), конфессионализм или сектантство (таифийя), а также регионализм или землячество, когда имеется

Таблица 2. Экономическое восстановление (трактовка ПРООН)
Table 2. Economic recovery (interpretation by UNDP)

Раннее (early recovery)	Постконфликтное / посткризисное (post crisis recovery)
Процесс, в значительной степени зависимый от помощи внешних акторов, в первую очередь, от гуманитарной помощи	Самодостаточный процесс с преимущественной опорой на национальные ресурсы; смещение акцента с гуманитарной на официальную помощь на цели развития

Таблица 3. Понятия раннего и постконфликтного восстановления в Сирии
Table 3. Concepts of early and post-conflict reconstruction in Syria

Первый этап (арабск.: аль-игаса ва аль-истыджаба ли аль-ихтыяджат)	Второй этап (ат-таафи)	Третий этап (аль-интыаш)	Четвертый этап (аль-истыдама ат-тан- мавийя)
Оперативная помощь и реагирование на жизненно важные потребности экономики и населения	Раннее восстановление: ликвидация прямых последствий конфликта, стабилизация экономики	Оживление социальной и экономической жизни: стимулирование деловой активности, ликвидация прямых и косвенных последствий конфликта	Устойчивое развитие: решение задач экономического роста и социальных проблем

в виду доминирование во власти и экономике выходцев из определенных регионов (иклимиия)¹. Все шесть арабских стран и ПНА испытывают проблемы с национальным диалогом, консолидацией общества перед лицом внешних вызовов (вмешательство зарубежных сил, угрозы терроризма и радикализма), причем степень интернационализации кризисов и конфликтов в эпоху глобализации объективно возрастает. По совокупности указанные факторы тормозят или даже замораживают процессы политического урегулирования, чем объясняются преимущественно негативные оценки возможностей выхода из конфликтов – по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Едва ли лучше обстоит дело с экономической реконструкцией: ликвидацией прямого и косвенного ущерба от конфликтов. Здесь для лучшего понимания требуется провести грань между этапами данного процесса, в связи с чем в статье приводится общепринятая дифференциация ПРООН (таблица 2), в соответствии с которой выделяется раннее восстановление (early recovery)² и собственно постконфликтное восстановление (post conflict reconstruction)³:

Хотя стоит признать универсальный характер схемы ПРООН (по аналогии с

1 Феномены таифийя и иклимиия анализируются нидерландским исследователем по Сирии Николасом ван Дамом со ссылкой на сирийские источники: van Dam N. The Struggle for Power in Syria: Politics and Society Under Asad and the Ba'th Party. London-NY: I.B. Tauris, 4th rev. ed., 2011. P. 181. – 272 p.

2 UNDP Policy on Early Recovery // UNDP, 22 Aug 2008. P. 7. – 35 p. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/A638DC99C778DD18C12575F3003F55B0-undp_aug2008.pdf (retrieved 23 Jun 2022).

3 Enabling Local Ingenuity // UNDP Crisis Prevention and Recovery Report, 2008. P. 5. – 239 p. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/A73161A001F3AB6CC12574EA004625C6-undp_oct2008.pdf (retrieved 23 Jun 2022).

Таблица 4. Состояние процессов экономического восстановления в арабских странах
Table 4. The state of economic recovery processes in the Arab countries

Страна	Временные рамки	Статус конфликта	Территориальная раздробленность	Фрагментация общества / ГРО	Доходы от нефти, газа, сус по поводу участия в банкин-га	Международ- ный консен- сус по поводу участия в восстановле- нии	Временные сроки процессов восстанов- ления
Ирак	1980-1988	Ирано-иракская война	Нет	Да	Да	Нет	Процесс не был за- вершен
	1990-2017	Санкции/иностранный оккупация/ внутрен- ний вооруженный конфликт с участием внешних акторов – борьба с ИГИЛ/горячая фаза завершена, остается проблема терро- ризма и очаги активности ИГИЛ	Да	Да	Да	Да	Процесс продолжает- ся/сроки завершения неясны
Йемен	2014-н/в (2004-2011 – спорадиче- ские столкнове- ния)	Внутренний вооруженный конфликт с внеш- ней интервенцией/продолжается	Да	Да	Да (ограни- чены)		Процесс не начался
Кувейт	1990-1991	Оккупация Ираком/освобождение внеш- ними акторами (многонациональными силами)/конфликт завершен	Нет	Да	Да		Процесс завершен
Ливан	1975-1990	Внутренний вооруженный конфликт (гражданская война с участием внешних акторов)/завершен	Нет (но есть зоны неформального территориально- го контроля)	Да	Да	Да	10 лет, процесс завер- шен
	2019-н/в	Внутриполитический и экономический кризис/продолжается		Да	Нет	Нет	Процесс не начался
Ливия	2011-2020	Внутренний вооруженный конфликт с внешней интервенцией/горячая фаза завер- шена, нестабильность сохраняется	Да	Да	Да (огра- ниче- ны)	Нет	Процесс не начался
Сирия	2011-н/в	Внутренний вооруженный конфликт с внешней интервенцией/борьба с ИГИЛ/ горячая фаза локализована, экономический кризис продолжается	Да	Да	Нет	Нет	Процесс носит локаль- ный характер/сроки завершения неясны
Сомали	1988-н/в	Внутренний вооруженный конфликт с участием внешних акторов/ продолжается с низкой интенсивностью	Да (распад едино- го государства)	Да	Нет	Нет	Процесс начался, но носит ограниченный характер
Судан	1983-2005	Внутренний вооруженный конфликт (вто- рая гражданская война между арабским севером и неарабским югом)/завершен	Да: независимость получил Южный Судан (2011)	Да	Да	Нет	Процесс продолжает- ся/сроки завершения не ясны

известной притчей, когда раннее восстановление сродни «рыбе», а постконфликтное восстановление – «удочке»⁴), ее применимость для анализа любых конфликтов имеет очевидные недостатки. Имеется в виду противопоставление обеих стадий и статичность: этапы восстановления разведены по времени, исключая наложение одного на другой, что на самом деле возможно. Сходные минусы (условный характер периодизации с произвольными сроками без учета взаимного пересечения этапов), несмотря на большую конкретизацию, присутствуют в страновых трактовках. В пример приводится сирийская градация этапов восстановления (рис. 3), которая закреплена в Национальной программе развития Сирии в послевоенный период, утвержденной распоряжением Правительства САР от 8 февраля 2017 года № 1549/13⁵.

В свете сказанного обзор процессов восстановления экономик арабских стран (Таблица 4) дается без разбивки на конкретные этапы и в то же время с учетом их неоднородности.

Все изложенные обстоятельства, процессы и факторы детерминируют особенности перспективных моделей постконфликтного восстановления на примере семи государств ЛАГ (Ирак, Йемен, Ливан, Ливия, Сирия, Сомали, Судан – рис. 5). В их числе модели с акцентом на национальную консолидацию, договор элит с опорой на внутренние ресурсы и/или внешнюю помощь либо, напротив, на децентрализацию на консенсуальной основе с учетом интересов местных элит (как в Сирии).

Далее рассматриваются страновые кейсы.

Таблица 5. Как восстанавливать: модели постконфликтного восстановления в краткосрочной и среднесрочной перспективе

Table 5. How to restore: models of post-conflict recovery in the short and medium term

Наименование страны	Перспективная модель постконфликтного восстановления	Основные характеристики модели
Ирак	Национальная консолидация с элементами внешнего управления	Противодействие курдскому сепаратизму и полному экономическому обособлению КАР, развитие межрегиональных связей, привлечение связанной и несвязанной помощи (грантов, кредитов) и инвестиций из стран ССАГПЗ, ЕС, США, Ирана, международных финансовых институтов (МВФ, МБРР)
Йемен	В краткосрочной и среднесрочной перспективе не просматривается	Растущая фрагментация экономической жизни, отсутствие и неясные перспективы постконфликтного восстановления (ограниченность рамками раннего восстановления)
Ливан	Национальная консолидация с элементами внешнего управления	Налаживание национального (межконфессионального) диалога, получение в краткосрочной перспективе связанной помощи (грантов, кредитов) от стран ССАГПЗ, ЕС, США, международных финансовых институтов (МВФ, МБРР), в среднесрочной перспективе – привлечение зарубежных инвестиций

4 Притча гласит: «Дай голодному рыбу – и ты накормишь его на один день. Дай ему удочку, научи его ловить рыбу – и ты накормишь его на всю жизнь».

5 аль-Барнамадж аль-ватаний ат-танмавий ли Сурия баада аль-харб [Национальная программа развития Сирии в послевоенный период]. Дамаск: Государственная комиссия по планированию и международному сотрудничеству при Совете министров САР, май 2020 года. URL: http://picc.gov.sy/EG8/report/Syria_2020.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

Ливия	Национальная консолидация	Запуск национального диалога, восстановление нефтяной отрасли с целью реанимирования базы для экономической реконструкции
Сирия	Децентрализация (аль-ля марказийя) управления	Запуск национального диалога с участием сирийских курдов, экономическая реинтеграция, конституционная реформа (учет интересов местных элит)
Сомали	Сочетание национальной консолидации и децентрализации	Запуск национального диалога под лозунгом федерализации, привлечение внешней донорской помощи и инвестиций, экономическая реинтеграция при признании фактической независимости Сомалиленда
Судан	Национальная консолидация	Концентрация в руках правительства всех внутренних ресурсов после отделения богатого нефтяными запасами Южного Судана

Борьба за влияние в Йемене: экономика и геополитика (Серебров С.Н.)

1. Уточнение к типологизации йеменского военного конфликта

Военная операция Арабской коалиции (АК) «Буря решимости» в Йемене, начатая 26 марта 2015 года, перешла в затяжной военный конфликт, создавший самый крупный очаг гуманитарной катастрофы на планете и серьезные угрозы международной безопасности в одном из самых значимых для мировой экономики и логистики регионов планеты. Официальное причисление конфликта к международно-правовой категории гражданских войн в бинарной конфигурации воюющих сторон – международно признанный президент (МПП) плюс АК против мятежников-хуситов – произошло после принятия резолюции СБ ООН 2216 (апрель 2015), в которой содержалось требование к «хуситам» о «выводе всех сил из всех занятых ими территорий, включая Сану» и «прекращении всех видов деятельности, входящих исключительно в компетенции законного правительства Йемена»⁶. В момент принятия Резолюции территория Йемена уже находилась в режиме блокады и под массированными атаками с воздуха авиации Арабской коалиции, а президент Абдо Раббо М. Хади нашел убежище в Эр-Рияде, где провел все последующие годы войны, вплоть до передачи своих полномочий Руководящему Президентскому Совету 7 апреля 2022 года.

Усилия представителя России в СБ ООН, воздержавшегося при ее принятии, внести поправки в текст документа были отклонены остальными участниками голосования. Позже вопрос об изменении текста резолюции не раз возникал в экспертном сообществе, но так и остался нерешенным.

Исключительное стратегическое географическое положение Йемена, прямое участие в военной операции двух иностранных региональных государств (КСА и ОАЭ), масштабная логистическая поддержка со стороны США и Англии, глубокая вовлеченность во внутренние йеменские разборки иностранных государственных акторов, сотни миллиардов долларов, уже потраченных ими за прошедшие семь лет, регулярный выход боевых действий за пределы Йемена, – эти и другие факты отражают неадек-

⁶ S/RES/2216 (2015) с. 3/7. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2216.pdf.

ватность принятой концепции. Для типологизации этого йеменского кризиса более подходит признание его конфликтом промежуточного типа – между интернационализированной формой гражданской войны и военным региональным конфликтом.

Этот концепт находит отражение в альтернативных политологических концепциях йеменского кризиса, где он рассматривается как «война-прокси» (между Саудовской Аравией и Ираном) и «гибридная война» (в которой независимо от форм тон задают иностранные акторы). Оба подхода справедливо подчеркивают особую роль его геополитической составляющей, хотя и они не лишены серьезных искажений сути данного конфликта.

Корректировка типологизации кризиса необходима в том числе для разблокирования миротворческих проектов ООН, международных НПО и суверенных акторов, зашедших в тупик из-за тенденциозных установок основополагающих документов, искажавших до неузнаваемости политические реалии Йемена и региона. Бывший главный куратор мирного транзитного плана в Йемене, спецпредставитель генсека ООН Джамаль Бенмар (2011–2015), получивший отставку в апреле 2015 года, комментируя ситуацию в Йемене после начала интервенции, писал: «Спустя менее месяца... резолюция СБ ООН потребовала от хуситов безоговорочной капитуляции перед правительством, покинувшим Йемен и ушедшим в изгнание, поселившимся в отелях Эр-Рияда. Подобные невозможные условия... дали ретроспективное оправдание... для продолжения войны»⁷. Одним из последних примеров бесплодности попыток достижения мира в этой парадигме было недавнее заявление президента США Дж. Байдена (февраль 2021 года) о «нацеливании нашей дипломатии на прекращение войны в Йемене – войны, создавшей гуманитарную и стратегическую катастрофу»⁸, от которого уже летом 2021 года не осталось и следа, а конфликт только вошел в фазу еще более опасной эскалации.

В 2021–2022 годах отмеченные концептуальные блокираторы не позволили миссии ООН (во главе со спецпредставителем Генсека ООН Гансом Грюндбергом) вернуть в повестку йеменских переговоров задачу всеобщего политического урегулирования конфликта, которую пришлось оставить после краха кувейтского раунда переговоров в 2016 году, серьезно подорвавших доверие йеменских участников к этому формату. Следующие переговоры в Стокгольме (2018) уже затрагивали лишь частные вопросы гуманитарных последствий продолжающейся войны.

Политическая, экономическая и продовольственная ситуация в мире в 2022 году делает реальной угрозу наступления в Йемене состояния гуманитарного коллапса. Относительный успех введенного в апреле 2022 года по инициативе ООН перемирия, принятого впервые с 2016 года всеми йеменскими сторонами кризиса, в лучшем случае может лишь слегка облегчить положение, изменив его на ситуацию

7 Jamal Benomar Power-sharing is the only way to end the war in Yemen – if the US supports it The Guardian, 26.03.2021 www.theguardian.com/commentisfree/2021/mar/26/power-sharing-war-yemen-us-houthi-peace.

8 Remarks by President Biden on America's Place in the World, FEBRUARY 04, 2021 // The white house, Briefing Room // URL: [http:// www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/](http://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/).

«ни войны, ни мира». Для гарантированного предотвращения коллапса требуется ревизия его международно-правовой базы.

Война, равно как и ситуация зыбкого статус-кво (ни войны, ни мира) генерируют условия для его дальнейшей интернационализации. Уже в 2015 году военные действия на территории Йемена начали принимать трансграничный оперативный масштаб, охватив ряд прилегающих регионов Саудовской Аравии (Асир, Джизан и Наджран), а к 2022 году ответные атаки стратегических целей на территориях КСА и ОАЭ с применением йеменских баллистических ракет и дронов приняли угрожающий регулярный характер. В 2017 году спецназ США произвел десантную наземную операцию против боевиков террористической группировки Аль-Каиды Аравийского полуострова в йеменской провинции Бейда, в ходе которой было убито больше мирных жителей, а с 2020 года Англия начала форсированно готовить почву для секьюритизации проблемы безопасности торгового морского судоходства вдоль южных берегов Йемена в антииранском и антихуситском ключе. В августе 2021 года сообщалось о размещении ею группы британского спецназа из 40 человек в восточной йеменской провинции Махра⁹, граничащей с Оманом, удаленной от хуситских территорий на сотни километров.

Йемен контролирует международный пролив Баб эль-Мандеб, акваторию Аденского залива и примыкающие берега Аравийского и Красного морей общей протяженностью более 1 900 км (ок. 1 500 с юга и св. 400 км – с запада). Он также занимает ключевое положение на стыке трех комплексов региональной безопасности (Залива, Красного моря и Африканского Рога), оказывая серьезное влияние на их состояние. Геополитическая борьба в Йемене делает лишь вопросом времени перерастание его в полноценный региональный конфликт.

2. Геополитические аспекты военного кризиса

Вывод авторов итогового экспертного доклада Совета Безопасности ООН о положении в Йемене за 2019 год о том, что «множественные конфликты в стране (за пять лет) образовали узел, который не позволяет провести четкую грань между внутренними и внешними акторами»¹⁰, по сути, подтвердил факт неактуальности бинарной интерпретации этого кризиса. За годы войны стратегии обладающих колоссальными (по отношению к собственно йеменским) экономическими, военными и политическими ресурсами КСА и ОАЭ в Йемене были направлены на формирование лояльных коалиций, противостоявших хуситам, но также разделенных и друг с другом глубокими внутренними противоречиями. Несмотря на разницу ресурсных потенциалов, отношения КСА и ОАЭ с их йеменскими союзниками носят реципрокный характер, в которых лояльность выступает предметом обоюдного торга, что обуславливает высокую вероятность существенных изменений их конфигураций и сложившихся балансов сил в будущем.

9 British special forces on hunt for drone killers | World | News | Express.co.uk // By MARCO GIANNANGELI Aug 8, 2021 // URL: <http://www.express.co.uk/news/world/1473978/british-special-forces-yemen-drone-attack>.

10 UN SC 28/04/2020//S/2020/326 Final report of the Panel of Experts on Yemen, c. 2/207.

Процесс сращивания интересов внутренних и иностранных акторов в йеменском кризисе базируется на переименовании фундаментальных геополитических противоречий, разделивших как иностранных участников АК, так и ведущие йеменские центры политического влияния (ЦПВ). Каждый образованный этим сращиванием фланг представляет конгломерат сил, в котором каждый актор пытается расширить свое собственное политическое и идеологическое влияние в Йемене или на международной арене, используя асимметричные возможности своих партнеров. Лидерство в них иностранных участников АК – весьма условно.

В эндогенном (йеменском) слое противоречий геополитические элементы были представлены в двух проблемах, возникших после объединения ЙАР и НДРЙ в 1990 году, задолго до начала войны: а) в т.н. «южном вопросе», который с 2009 года вращается вокруг требования влиятельного (хотя и разобщенного) южнотийеменского сепаратистского движения «Хирак» о признании права народа бывшей НДРЙ (называемого «южанами» – джанубийюн) на самоопределение и выход из состава Йемена и б) в конфликтах культурных идентичностей с конфессиональным контекстом, охвативших как шафиитский (суннитский) Юг, так и зейдитские (шиитские) регионы Севера в ходе их столкновений с прозелитской салафитской идеологией, получившей особый политический носитель в виде йеменского объединения «Ислах» («Реформа»).

Конфликты идентичностей в обеих доминантных общинах Йемена приняли разные формы, но их объединяет сопротивление продолжению религиозной реформы, начатой в ЙАР в 1970 году с согласия республиканских властей и при разносторонней поддержке Саудовской Аравии. Конституирование куратора реформы в особую политическую партию – «Ислах» в 1990 году сопровождалось зеркальным появлением на арене зейдитской партии «аль-Хакк», заявившей о своей оппозиции ваххабизму как идеологии, чуждой всем йеменским культурным традициям.

Во второй половине 1990-х годов эстафету партии «аль-Хакк» приняло массовое гражданское движение «шабаб аль-мумин» (верующая молодежь), лидер которого сейид Хусейн Б. аль-Хуси считал необходимым внести поправки в государственную конфессиональную политику, лишив привилегий партию «Ислах» в сфере образования, где она заняла монопольное положение. Лидер хуситов считал сеть салафитских религиозных колледжей «маахид ыльмийа», в которых аутентичные коренные йеменские верования и обычаи подвергались нещадной критике с позиций их несоответствия истинному исламу, угрозой уникальной многовековой культурной идентичности йеменцев, фундаменту их этнокультурной целостности.

Многолетняя полемика между салафитами, шафиитами и зейдитами в Йемене сопровождалась взаимными обвинениями сторон в их саудовской или иранской ангажированности (4), что сделало йеменский конфликт культурных идентичностей частью более широкого трансграничного нарратива в плоскости саудовско-иранских политических противоречий.

Катализатором перехода проблем идентичности в политическую плоскость выступили две кровавые гражданские войны в Йемене – в 1994 году (между Севером и Югом) и в 2004–2010 годах (против хуситов).

Начало военной интервенции АК в Йемен в марте 2015 года сопровождалось акцентированным переносом обвинительного мотива этого конфликта на иранскую сторону, представленную хуситами, а также попыткой трансформации его содержания в русло суннито-шиитского противоборства. Этот проект вызвал отторжение йеменского общества. Попытка закрепления за йеменскими зейдитами репутации агентов иранского политического и идеологического влияния в Йемене и в Аравии не получила поддержки ни со стороны суннитского большинства населения Йемена, ни на уровне партнеров КСА в составе АК. Обвинения хуситов в переходе из зейдизма в джаафаризм (учение шиитского ислама, доминирующее в Иране и Ираке) также не нашло влиятельных сторонников, в том числе в среде зейдитских улемов.

Объективная слабость саудовско-иранского и связанного с ним суннито-шиитского мотива в обосновании йеменской военной кампании де-факто повлекла уступку первенства вышедшему на авансцену другой геополитической оси соперничества – внутри ССАГЗ, поскольку роль и статус Йемена в региональном балансе сил в качестве противовеса доминантному претенденту были незаменимы. Хотя пять из шести членов ССАГЗ первоначально заявили о вступлении в АК (все, кроме Омана), только КСА и ОАЭ стали ее реальными активными участниками. Оман и Кувейт сразу выступили за политическое разрешение конфликта, а Катар, первоначально вступивший в борьбу, уже в 2017 году выбыл из рядов АК в результате т.н. дипломатического конфликта с КСА.

Озабоченность неблагоприятными последствиями военной кампании в Йемене проявилась в том числе в развитии дихотомии в рядах АК между КСА и ОАЭ – единственными крупными участниками йеменской кампании. Начатое в 2016 году разделение АК на саудовский и эмиратский фланги вылилось в их институциональное, политическое, военное и функциональное размежевание. Фланги обрели собственные отдельные штабы, военизированные структуры, несовместимые стратегии и видение целей кампании. Их соперничество за влияние над стратегическими участками лояльной АК части Йемена приняло форму вооруженных столкновений. Конфликт также охватил сферу культурных идентичностей, поскольку партия «Ислах» была кооптирована в МПП и заняла в йеменской коалиции саудовского фланга ведущее положение. Против идеологии «Ислах» выступили не только опорные ЦПВ эмиратского фланга, но и сами ОАЭ, считавшие «Ислах» филиалом запрещенной организации «Братьев-мусульман».

Частичный выход ОАЭ из военной составляющей операции в Йемене летом 2019 года сопровождался передачей ими всех накопленных ранее военных и административных ресурсов в Йемене своим двум опорным ЦПВ: Южному переходному совету (ЮПС) и Политсовету Национального сопротивления (ПНС). Численность переданных им военизированных формирований составляла более 60 тыс. человек.

Дихотомия флангов АК, проявившаяся в захвате Южным Переходным Советом из эмиратского фланга контроля над Аденом в августе 2019 года, не была преодолена ни подписанием Риядского соглашения (ноябрь 2019 года) о создании совместного правительства под зонтом МПП, ни в результате оказываемого давления со стороны США и Англии на своих региональных партнеров. Несомненно, радикальные перестановки в составе МПП в апреле 2022 года, а также ожидаемый в июле визит

президента США Дж. Байдена в Саудовскую Аравию будут ориентированы прежде всего на снижение уровня дихотомии, умело использованной Саной для успешной и масштабной наступательной операции в 2020–2021 годах.

Для интеграции силовых структур соперничающих флангов АК необходима как минимум единая политическая платформа, созданием которой, очевидно, и будет занят новый лидер МПП – глава РПС, Рашад аль-Алими. Ему предстоит сблизить позиции флангов по таким вопросам, как вопрос о целостности страны и статусе Юга, а также о месте партии «Ислах» в политической системе постконфликтного Йемена.

Ситуация «ни войны, ни мира», возникшая в зоне кризиса с апреля 2022 года, не гарантирует затухания военного конфликта в будущем, но существенно усиливает значение экономической составляющей противоборства трех йеменских коалиций, одна из которых опирается на непризнанный режим Саны, а две другие – на вновь созданный РПС, включившего в себя два фланга АК. Новый высший орган исполнительной власти МПП должен переместить свою деятельность из Эр-Рияда в Аден, но даже эта задача в условиях дихотомии не имеет простого решения.

3. Два лагеря и три коалиции: борьба за ресурсы и влияние

Три коалиции в зоне йеменского кризиса представлены двумя лагерями: Санским альянсом (СА), ошибочно именуемым «хуситами», и двумя соперничающими флангами лагеря АК, которые в апреле 2022 года предприняли очередную попытку устранения из взаимоотношений дихотомии через сотрудничество в новом органе власти – РПС.

Непризнанный коалиционный режим власти в Сане функционирует с 2016 года в составе хуситского движения «Ансарулла» и ядра бывшей партии власти «Всеобщий Народный Конгресс» (ВНК). Режим государственного типа декларировал верность действующей конституции Йемена, что облегчило ему легитимацию со стороны большей части населения Йемена. Он контролирует ок. 90% территории Севера (бывшей ЙАР), где проживает $\frac{3}{4}$ жителей страны. В цитированном ранее экспертном докладе СБ ООН отмечается, что режим Саны «в отличие от перманентной нестабильности на Юге продолжает консолидировать свое влияние, демонстрирует военное единство и экономическую эффективность»¹¹.

Власти Саны проводят мобилизационную политику внутри страны под лозунгом консолидации йеменцев на отпор военной интервенции АК и «ее наемников» за свободу и независимость страны. Во внешней политике проявляют солидарность с политикой стран «Оси сопротивления», ставя палестинскую проблему в центр основных политических проблем Ближнего Востока. Идеология режима представляет сплав йеменского национализма, основанного на тезисе об имманентном приоритете йеменцев в вопросах арабской и исламской идентичностей, который обычно подтверждается ссылками на сборники хадисов и Коран, с исламским национализмом, требующим консолидации всех исламских конфессий по всему исламскому миру для противодействия империализму США и его пособников.

11 Ibid. S/2020/326, c. 7/207.

Большое внимание власти Саны уделяют экономической стратегии, основанной на концепции опоры на собственные силы и национальные ресурсы, отдавая приоритет развитию сельского хозяйства и современной оборонной промышленности, получившей развитие в годы войны. Режим активно пропагандирует свои экономические достижения жителям остальных территорий страны, удерживая, например, курс риала в Сане на уровне почти вдвое выше, чем его курс в Адене, где он падал почти вдвое быстрее после переноса туда Центробанка из Саны в 2016 году, достигнув к 2022 году более 1 000 риалов за 1 долл. США. Власти Саны убеждают йеменцев в том, что конечной целью военной кампании АК является максимальное истощение Йемена, лишение его контроля над нефтяными месторождениями, а в дальнейшем – ликвидация его суверенитета и превращение в колониально зависимую территорию в интересах США и его партнеров.

Устойчивый экономический обмен между распавшимися на фрагменты территориями, контролируемые всеми тремя коалициями, позволил йеменцам избежать сползания в состояние гуманитарного коллапса, который мог наступить уже в предыдущие годы из-за острой нехватки продовольствия, топлива, воды и медикаментов.

Основным объектом конкуренции флангов АК являются стратегические участки территории и острова охваченного сепаратизмом Юга: Аден, Сокотра, Хадрамаут, Шабва, Махра и др. Стратегия эмиратского фланга АК на поддержку ЮПС обеспечила ему относительный успех на большей части территории бывшей НДРЙ, но вопрос о будущем статусе Юга остается открытым. Процесс политической и экономической дезинтеграции Юга ведет к превращению его регионов в конкурирующие кантоны, что не устраивает ни ЮПС, ни йеменских акторов юнионистского фланга в составе МПП, а также Санского альянса, считающих любые проекты территориального раздела Йемена противоречащими его национальным интересам.

Вооруженные структуры саудовского фланга, лояльные МПП, контролируют все главные нефтегазовые месторождения Йемена – основной источник бюджетных поступлений страны. Очевидно, что борьба за этот ресурс встанет в центр любых переговоров с участием всех трех коалиций на этапе «ни войны, ни мира», поскольку только он способен обеспечить им надежную опору для восстановления экономики и укрепления социальной базы своего влияния в Йемене.

Гуманитарная помощь в конфликтах: основные вызовы для гуманитарных организаций (Хлебников А.Л.)

Каждый из современных конфликтов является по-своему уникальным, имеющим свои собственные причины, логику, сложности и особенности, в том числе и проблемы, касающиеся гуманитарного доступа и доставок гуманитарной помощи. Однако вместе с тем все они имеют ряд всеобъемлющих проблем, с которыми сталкивается абсолютное большинство гуманитарных организаций¹² в процессе выполнения своей работы.

¹² В этой статье под «гуманитарными организациями» понимаются «international non-government organization» (INGOs).

В данной статье мы постараемся рассмотреть некоторые основные проблемы и вызовы в сфере оказания гуманитарной помощи в конфликтах.

1. Изменяющаяся природа современных конфликтов

Несмотря на благородные цели, движущие гуманитарными организациями, их деятельность часто приводит к довольно противоречивым результатам. Одной из важнейших причин подобной ситуации является изменившаяся природа современных конфликтов. По данным Института изучения мира в Осло (PRIO), сегодня доминирующей формой конфликтов являются внутрисударственные конфликты, часто с вовлечением внешних государств-игроков¹³. Тогда как в первое время после окончания Второй мировой войны колониальные войны и межгосударственные конфликты составляли до половины всех вооруженных конфликтов. В итоге данный тип конфликтов практически перестал существовать. На данный момент только два конфликта можно назвать межгосударственными – это конфликт между Индией и Пакистаном и между Россией и Украиной.

Одной из ключевых проблем сегодня является интернационализация конфликтов – то есть гражданские войны с вовлечением внешних игроков. По данным исследований PRIO, подобные конфликты более резистентны и сложны для политического урегулирования. Основной причиной этого является растущее число сторон, вовлеченных в конфликт, которые включают в себя как государственные, так и негосударственные (национально-освободительные движения, территориальные отряды самообороны, террористические организации, вооруженные группы, построенные по этническому и/или религиозному признаку, и т.д.) акторы, которые значительно усложняют различия между военными и гражданскими. Большее количество вовлеченных игроков также значительно усложняет процесс политического урегулирования, поиска компромиссов и значительно повышает риск блокирования каких-либо сделок или соглашений¹⁴. Все это, в свою очередь, усложняет операционную среду для доставки гуманитарной помощи всем сторонам конфликта и для деятельности гуманитарных организаций в принципе, поскольку происходит размывание различий между оказанием помощи гражданскими и военными. В результате риск гуманитарных организаций быть воспринятыми предвзятыми (не нейтральными) также повышается.

2. Работа со всеми сторонами конфликта

Одной из основных идей и целей гуманитарных организаций является работа со всеми сторонами конфликта, соблюдая принципы нейтралитета и беспристрастности. Однако реализация этой задачи в современных реалиях становится крайне сложной.

Для того чтобы осуществлять эффективные доставки гуманитарной помощи, необходимо обеспечить безопасный доступ. Обычно это происходит путем перегово-

¹³ Dupuy, Kendra and Siri Aas Rustad, "Trends in Armed Conflict, 1946–2017," Conflict Trends, 5 2018, PRIO. URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=1698&type=publicationfile>.

¹⁴ Strand Håvard, Siri Aas Rustad, Henrik Urdal and Håvard Mogleiv Nygård. "Trends in Armed Conflict, 1946–2018," Conflict Trends, 3 2019, PRIO. Accessed April 24, 2020. URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=1858&type=publicationfile>.

ров со сторонами конфликта и заключения соглашений. Как было уже отмечено выше, любой внутригосударственный конфликт имеет минимум две стороны: обычно это центральное правительство и оппозиция или власти, управляющие де-факто территориями. Чаще всего число противоборствующих сторон значительно превышает две, что приводит к проблемам и усложняет взаимодействие гуманитарных организаций со сторонами конфликта и, как следствие, доставку гуманитарной помощи¹⁵. Сирия в данном контексте является ярким примером. Сирийская оппозиция была и до сих пор является крайне фрагментированной, вследствие чего гуманитарным организациям приходится взаимодействовать с целым рядом зачастую противоборствующих игроков, контролирующих разные территории и разное население, чтобы получить доступ к нуждающемуся населению. Этот фактор также способствует повышенной инструментализации помощи и гуманитарных организаций сторонами конфликта в их собственных интересах, что отражается на их восприятии как предвзятых.

В итоге, хотя гуманитарные организации и имеют возможности работать с разными сторонами конфликта (например, в Сирии), основная их работа сосредоточена на территориях, не подконтрольных центральному правительству, что способствует жизнеспособности различных оппозиционных вооруженных групп, что, в свою очередь, ставит под сомнение нейтральность гуманитарщиков в глазах Дамаска. Есть две основные причины подобного подхода организаций: либо центральное правительство препятствует и/или усложняет их работу на своих территориях, или они сами не хотят работать с центральным правительством по политическим причинам. В контексте Украины наблюдаются такие же процессы, только зеркальные: подавляющее большинство гуманитарных организаций работает на территориях, подконтрольных Киеву, и почти никто не работает на территориях Восточной и Юго-Восточной Украины, находящихся не под контролем Киева. Подобная двойственность в подходах также способствует инструментализации гуманитарной помощи и негативному восприятию гуманитарных организаций.

В результате проблема эффективной коммуникации и взаимодействия со сторонами конфликта является одним из важнейших и сложнейших вызовов перед гуманитарными организациями. Возникает вопрос: почему так происходит?

3. Почему так происходит?

По данным проведенных исследований (Anderson 1996, 1999; Marsden 1997; Cooley, Ron 2002), было выявлено несколько способов того, как гуманитарные организации могут способствовать поддержанию уровня насилия или даже его росту в конфликтах. Оказание медицинской и/или гуманитарной помощи одной из сторон конфликта воспринимается другой стороной/-ами как противоправное действие, направленное против них самих.

¹⁵ Сирия в данном контексте является ярким примером. Сирийская оппозиция крайне фрагментирована, вследствие чего гуманитарным организациям приходится взаимодействовать с целым рядом зачастую противоборствующих игроков, чтобы получить доступ к нуждающемуся населению.

Во-первых, оказание помощи одной стороне воспринимается другими как «помощь врагу», что способствует поддержанию его экономических и военных возможностей. Гуманитарная помощь, предназначенная для гражданских людей в нужде (people in need), пострадавших от конфликта, является ценным ресурсом для противоборствующих сторон и может быть легко перенаправлена на поддержку военного сопротивления, боевых действий, на поддержание выживаемости новых территориальных образований и т.д. В результате гуманитарная помощь (включая медикаменты и еду) оказывается в руках вооруженной оппозиции, террористических группировок, армии и проправительственных ополчений). Поэтому предоставление помощи одной стороне делает крайне сложной работу с другими сторонами конфликта, поскольку видится ими взаимоисключающим.

Во-вторых, оказание гуманитарной помощи способствует «легитимации» принимающей стороны. Обычно, гуманитарные организации подписывают меморандумы о понимании с силами, де-факто контролирующими определенные территории, чтобы определить модальности оказания помощи, что способствует субъективизации негосударственных образований / формирований. Это, в свою очередь, способствует размыванию государственного суверенитета и территориальной целостности страны.

В-третьих, оказание гуманитарной помощи имеет «стабилизирующий эффект» на территориях, получающих эту помощь. Восстановленные или возведенные заново гуманитарными организациями объекты базовой инфраструктуры (больницы, электрические подстанции, колодцы и водонасосные станции, школы, дороги и т.д.) или оказанная помощь по лечению, обучению и т.д. способствует стабилизации ситуации на земле, усиливая позиции сил, контролирующих эти территории. Таким образом они высвобождают ресурсы, необходимые для ведения боевых действий и достижения военных целей. Например, многие гуманитарные организации отказывались работать с сирийским правительством, используя именно этот аргумент: если мы построим дороги, Асад будет использовать их для военных операций; если мы построим больницы, он будет лечить там солдат, а не гражданских, пострадавших от войны. В результате создается нарратив, не позволяющий гуманитарным организациям работать со всеми сторонами конфликта.

4. Парадокс оказания помощи

Определенные сложности в работе также лежат и в другой плоскости – со стороны самих участников конфликта, с которыми работают гуманитарные организации.

Например, сторона конфликта, где работают гуманитарщики, имеет множество причин (в том числе перечисленных выше) препятствовать и запрещать взаимодействие с другими сторонами конфликта. По сути, это является манипуляцией и/или инструментализацией гуманитарной помощи.

Также сотрудники организации, работающие с одной из сторон конфликта, становятся крайне уязвимыми перед де-факто властями, если их коллеги начинают работать с другой стороной конфликта. В этих условиях их деятельность может быть поставлена вне

закона, их могут выгнать с территорий или даже привлечь к уголовной ответственности, создавая тем самым угрозы безопасности для сотрудников гуманитарных организаций.

В результате складывается дилемма выбора, которая часто подталкивает гуманитарные организации вольно или невольно нарушать провозглашаемые принципы нейтральности и непредвзятости.

Перечисленные выше некоторые основные вызовы являются лишь частью большой проблемы деятельности гуманитарных организаций в конфликтных зонах и противоречий, которые они вызывают. Несомненно, проблемы суверенизации, политизации и инструментализации гуманитарной помощи должны серьезно изучаться, чтобы в итоге выработать теоретические и практические рамки, которые помогут минимизировать негативные эффекты от сегодняшних подходов к оказанию гуманитарной помощи. Научной и общественной дискуссии вокруг концептуальных и практических основ оказания гуманитарной помощи следует уделять больше внимания, учитывая обширный и западный, и советский опыт оказания гуманитарной помощи.

Список источников

1. Ватутин А.Н. Противоречивая природа понятий «конфликт» и «кризис»: теоретико-методологические основания исследования [The contradictory nature of the concepts of «conflict» and «crisis»: theoretical and methodological foundations of the study]. Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 3. С. 49-54.
2. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство [Deeply divided societies of the Middle East: conflict, violence, external interference]. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66-96.
3. Панин И.С. Кризис и конфликт: их взаимосвязь, сущность и история изучения [Crisis and conflict: their interrelation, essence and history of study]. Основы ЭУП. 2020. № 3(22). С. 58-62.
4. Knysh A. The «Tariqa» on a Landcruiser: The Resurgence of Sufism in Yemen. Middle East Journal. 2001. Vol. 55. No. 3. Pp. 399-414.
5. Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies. Cambridge: Polity Press, 2012. 178 p.

Информация об авторах

МАТВЕЕВ Игорь Александрович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12. iamatveev@mail.ru

СЕРЕБРОВ Сергей Николаевич. Кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12. snserebrov@ivran.ru

ХЛЕБНИКОВ Алексей Леонидович. Эксперт Российского совета по международным делам. <https://orcid.org/0000-0001-9177-0323>. Адрес: 119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, 8. aleksei.khlebnikov@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в подготовку публикации.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 июня 2022. Одобрена после рецензирования: 05.07.2022. Принята к публикации: 20.07.2022. Опубликовано: 11.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Vatutin, A. (2012) The Contradictory Nature of the Concepts of «Conflict» and «Crisis»: Theoretical and Methodological Foundations of Research, *Man. Community. Management*, 3, pp. 49-54.
2. Naumkin, V. (2015) Deeply Divided Societies of the Middle East: Conflict, Violence, External Intervention, *Bulletin of Moscow University, Series 25, International Relations and World Politics*, 1, pp. 66-96.
3. Panin, I. (2020) Crisis and Conflict: Their Interrelation, Essence and History of Study, *Fundamentals of EUP*, 3(22), pp. 58-62.
4. Knysh A. (2001) «Tariqa» on a Land Cruiser: The Revival of Sufism in Yemen, *Journal of the Middle East*, Vol. 55, No. 3, pp. 399-414.
5. Gelke A. (2012). *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge: Polity Press, 178 pp.

About the authors

Igor A. MATVEEV. CandSc (Hist.). Senior Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669> Address: 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Russian Federation. iamatveev@mail.ru
Sergey N. SEREBROV. CandSc (Econ.). Senior Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. snserebrov@ivran.ru
Alexey L. KHLBNIKOV. Expert of the Russian International Affairs Council. <https://orcid.org/0000-0001-9177-0323>. Address: 8, 4th Dobryninsky Lane, Moscow, 119049. Russian Federation. aleksei.khlebnikov@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: June 27, 2022. Approved after peer reviewing: 05.07.2022. Accepted for publication: 20.07.2022. Published: 11.08.2022.

The authors have read and approved the final manuscript

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.